

А.Ю. Балакин

ОБЛОМОВ ДО «ОБЛОМОВА»

Происхождение и смысл фамилии главного героя самого известного романа И.А. Гончарова до сих пор продолжают волновать исследователей. Споры об этом ведутся, пожалуй, гораздо интенсивнее, чем споры о генезисе фамилий других ключевых героев русской литературы. Ведь Обломов не только центральный образ одноименного романа, от его фамилии самим же Гончаровым было образовано оказавшееся таким емким и ставшее нарицательным слово — «обломовщина». А как писал в предисловии к своей книге, посвященной ономастикону Достоевского, М.С. Альтман, «особое значение приобретает для нас имя литературного героя, когда с его нарицательной <...> значимостью связаны не только обладатель этого имени, но и идея произведения в целом»¹.

Ученые предлагали разные трактовки смысла фамилии главного гончаровского персонажа, но, говоря о ее генезисе, большинство сходится во мнении, что она происходит от слова «обломок»². Некоторые указывали также на старинное слово «облый», которое имело два значения: «круглый» и «толстый, неуклюжий»³. Т.И. Орнатская упоминала про «сон-обломон из русских сказок»⁴, — однако ни в одном сборнике сказок и ни в одном словаре такое значение слова «обломон», которое было бы связано со сном, нам найти не удалось⁵. Единственное известное нам употребление слова «обломон» как эпитет к слову «сон» находится в рассказе В.М. Шукшина «Далекие зимние вечера», но это нельзя не признать рецепцией гончаровского романа.

В настоящей заметке нам хотелось бы указать на факт, который не был замечен гончароведами. Дело в том, что фамилия заглавного героя романа «Обломов» имеет литературное происхождение. Так звали одного из персонажей водевиля П.А. Каратыгина «Первое июля в Петергофе».

¹ Альтман М.С. Достоевский: По вехам имен. Саратов, 1975. С. 8.

² Обзоры различных мнений см.: *Гейро Л.С.* Роман И.А. Гончарова «Обломов» // Гончаров И.А. Обломов. Л., 1987. С. 535–537 (сер. «Лит. памятники»); *Туниманов В.А.* Примечания (VI, 191–194); *Уба Е.В.* Тайны имени // Мономах. Ульяновск, 2007. № 2 (49) (электронная версия: <http://www.monomax.sis.net.ru/main/view/article/542>); наиболее информативной является статья: *Тирген П.* Обломов как человек-обломок: (К постановке проблемы «Гончаров и Шиллер») // Русская литература. 1990. № 3. С. 18–33.

³ См.: Словарь церковно-славянского и русского языка. СПб., 1847. Т. 3. С. 19.

⁴ Орнатская Т.И. «Обломок» ли Илья Ильич Обломов? (К истории интерпретации фамилии героя) // Русская литература. 1991. № 4. С. 230.

⁵ Слово «обломон» (точнее, «обламон») определяется как «обманщик, плут» (см.: Словарь русских народных говоров. Л., 1987. Вып. 22. С. 84) или «бранное слово, нечто вроде неуклюжий» (*Иванов Е.П.* Меткое московское слово. М., 1982. С. 223; ср. С. 209).

Комический актер Петр Андреевич Каратыгин (Каратыгин 2-й; 1805–1879) был одним из самых популярных водевилстов николаевского царствования. Успех его среди публики Александринского театра, большую часть которой составляли чиновники, был огромный. Остроты из его водевилей передавались из уст в уста, а куплеты записывались в альбомах и разучивались наизусть. Каратыгин пользовался «постоянным благоволением»¹ Николая I, который не только одаривал его высочайшими подарками, но даже подсказывал сюжеты и ограждал от излишнего цензорского рвения: об этих случаях драматург вспоминал в своих мемуарах. Его перу принадлежит около полусотни водевилей (значительная часть их — переделки с французского), последние из которых написаны незадолго до кончины². Однако пик его популярности пришелся именно на конец 1830-х — первую половину 1840-х гг.

Водевиль «Первое июля в Петергофе» впервые был представлен на сцене 12 апреля 1839 г., выдержал в этом году еще тринадцать представлений и периодически возобновлялся вплоть до 1847 г.³ Для того времени это было успехом: рядовой водевиль (тем более написанный для бенефиса), как правило, представлялся несколько раз, а потом навсегда сходил со сцены. Вот как сам Каратыгин рассказывает про обстоятельства его создания и постановки: «В <...> 1839 году я для своего бенефиса написал водевиль „Первое июля в Петергофе“ (ежегодный праздник в день рождения императрицы). Когда бенефис мой уже был выставлен на афише, государь, увидя меня в Михайловском театре, позвал к себе и с улыбкой сказал мне:

— Я видел на афише твой бенефис; ты берешь сюжеты из моих поместий? Что же тут представляется?

— Ваше величество, — отвечал я ему, — представить лицевую сторону этого великолепного праздника на театре нет никакой возможности, — он выше всякого описания, — и потому я взял только изнанку его; представил задний двор и гулянку людей среднего и простого класса.

— Ну, в этот день мне не случалось туда заглядывать, — отвечал государь. — Что же ты говоришь что-нибудь и об *петергофском помещике*?

— Ваше величество, местность, выбранная мною, и пошлость действующих лиц не позволила мне упомянуть об нем.

— Приеду, непременно приеду к тебе в гости.

Я низким поклоном поблагодарил государя за обещанную милость, и он сдержал слово — удостоил своим посещением мой бенефис вместе с императрицей, великим князем Михаилом Павловичем, наследником и другими

¹ Каратыгин П.А. Записки: В 2 т. Л., 1929. Т. 1. С. 427.

² Полный перечень пьес см.: [Нелидов Ю.А.] Труды П.А. Каратыгина // Каратыгин П.А. Записки. Т. 2. С. 417–426; дополненный и уточненный список см.: Каратыгин П.А. Записки / Вступит. статья, коммент., указатель С.В. Денисенко. СПб., 2011. С. 392–400.

³ См. репертуарную сводку: История русского драматического театра: В 7 т. М., 1978. Т. 3: 1826–1845. С. 293; М., 1979. Т. 4: 1845–1861. С. 372.

великими князьями. Через неделю после бенефиса получил я брильянтовый перстень»¹.

Популярность водевиля подтверждается и отзывами театральных обозревателей. «Г-н Каратыгин второй <...> хорош был <...> в маленькой своей шалости, названной „Первое июля в Петергофе“, — писал рецензент «Северной пчелы» Ф.А. Кони. — В Петергоф съехались особы разного звания, и отправляются смотреть иллюминацию. Перед вами является карета, начиненная дамами и картонками; придворный полотер, промышляющий квартирами, стряпчий, ходящий по делам в аллеях Петергофа, чиновник, спящий без просыпа, портной немец и портной русский, и, наконец, кантонист Лычкин, у которого правая рука в канцелярии <...>. Вы смеетесь от начала и до конца, и весело выходите из театра. Цель шутки достигнута, и автору большое спасибо!»². В «Литературных прибавлениях к „Русскому инвалиду“» ему вторил В.С. Межевич: «...„Первое июля в Петергофе“ можно бы назвать весьма удачною пьесой. Барыни и барышни, набитые в карете, купчихи под зонтиком с чашками чая в руках, чиновники, отдыхающие на сеннике и многое другое — все списано с природы довольно верно: мы видали часто подобные картины в Петергофе». И далее он отмечал персонажей, во многом определивших счастливый прием водевиля у публики: «...забавнее всех два подмастерья, русский и немец. У обоих у них один фрак, и покуда один гуляет в Петергофе, другой в тиковом халате прохаживается между каретами. Гг. Воротников и Григорьев 2-й возбуждали повсеместный и громкий хохот»³. Один из этих подмастерьев и носил фамилию знаменитого гончаровского героя.

Каратыгинский Обломов — портной, приехавший на петергофский праздник вместе со своим коллегой-немцем, которого зовут Карл Мустер и который произносит свои реплики с характерным акцентом. Заметим, что и в рукописях «Обломова», и в первой публикации отрывка из будущего романа («Сон Обломова», 1849) Штольц носит имя Карл.⁴ Диалогам Обломова и Мустера отдано два явления водевиля — седьмое и девятое. Как уже упоминалось выше, у них на двоих только один фрак, который они надевают по очереди. Фрак этот принадлежит Мустеру, но Обломов прилагает всё старание, чтобы как можно дольше пошеголять в нем среди гуляющих. Сам же Обломов приехал на гуляние в халате — и здесь можно увидеть еще одну перекличку с гончаровским романом: халат как раз и является одним из главных атрибутов Ильи Ильича⁵.

⁴ Каратыгин П.А. Записки. Т. 1. С. 428, 431.

¹ Северная пчела. 1839. 26 апр. № 91. С. 362–363 (подпись: Ф. — — ни).

² Лит. прибавления к «Русскому инвалиду». 1839. 29 апр. № 17. С. 372 (подпись: Л.Л.).

³ См., в частности: V, 39, 56, 60, 70, 71, 457 и др. О том, как в процессе работы над романом Карл Штольц превратился в Андрея, см.: Гейро Л.С. История создания и публикации романа «Обломов» // Гончаров И.А. Обломов. С. 600–603. Стоит отметить также, что «Мустер» — фамилия говорящая; в переводе с немецкого «Muster» означает «образец». Возможно, создавая характер Штольца, который являлся для Ильи Обломова своего рода образцом, Гончаров вспомнил фамилию и другого персонажа каратыгинского водевиля.

⁴ Сводку мнений см.: Туниманов В.А. Примечания (VI, 192–193).

Итак, пока один герой водевиля гуляет во фраке, другой, надев халат, вынужден сидеть на задворках. Седьмое явление полностью посвящено попыткам Мустера отнять свой фрак у Обломова и, соответственно, попыткам Обломова его не отдать¹:

Обломов. Ну, Карлуша, благодарствуй, красавчик, за твое одолжение. Вот тебе за это сигарка. Ну! везде выходил, все высмотрел... ну уж сад... объеда-нье! Все прекрасно, только жаль не позволяют курить табак да по траве ходить.

Мустер. Но моя фрак?

Обломов. Погоди крошечку, я тебе расскажу, что я видел...

Мустер. Но я лучше сама посмотри; давай моя фрак.

Обломов. Вот тебе одна твоя перчатка, а другую, извини, потерял; да вот ты пойдешь, так может быть найдется там где-нибудь у Самсона или в другом месте... гуляй, да посматривай под ноги; но только не обижайся.

Мустер. Но моя фрак?

Далее Обломов объясняет Мустеру, почему его фрак мокрый и почему трещит по швам, пытаясь отвлечь разговорами о дружбе: «Мы останемся друзьями по-старому, только не обижайся. Очень весело иметь в случае нужды короткого приятеля», а после очередного требования того: «Давай моя фрак!», между ними происходит следующий обмен репликами:

Обломов. Сию минуту; только, брат, я забежал тебя попросить, не одолжишь ли еще попользоваться?

Мустер. Nein! Снимай моя фрака.

Обломов. Нечего делать; а я так важно корчил в саду нынешних франтов, да это и немудрено: надень короткое платье, отпусти длинные волосы, да отпускаяй всякий вздор — вот и франт! Послушай, Карлуша, ведь ты уже в нем поутру гулял, дай надеть хоть на люминацию?

Мустер. А я сама?

Обломов. Да вашу братью куда хочешь во всякой одежи пустят. Это только нас по платью встречают.

Мустер. Отдавай моя фрака.

Обломов. Сейчас! полно кричать — снимай же мой халат.

Мустер. Нет, здесь не снимаются; здесь ходить господа...

Обломов (*пробуя снять*). Да, в самом деле не снимается, так я лучше совсем не сниму.

Мустер. Нет, нет, пойдем на сарай.

Обломов. Ну, ну, пойдем. Оох! надевал, так было впору, а как теперь пришлось не впору скидывать, так и с плеч не лезит. Ну уж друг немецкий даст да и отнимет. (*Уходят в сарай.*)

В девятом явлении на сцене «Мустер (во фраке)» и «Обломов (в халате и в огорчении)»; предметом их диалога опять является фрак:

¹ Водевиль цитируется по первой публикации: Репертуар русского театра. 1839. Т. 1. Кн. 5.

Обломов. Сделай одолжение, одолжи пошеголять на люминации; небось не сожгу.

Мустер. Nein, nein, пошла вон.

Обломов. Хорошо же, с евтих пор не называй меня другом.

Мустер. Хорошо, пошла вон.

Обломов (*идет и возвращается*). Так не дашь?

Мустер. Nein, пожалиста, пошла вон.

Обломов. Нечего делать, пришлось быть в гостях как дома — в халате. (*Наневает.*) «Не шей ты мне, матушка красный сарафан».

С этими словами Обломов уходит и больше на сцене не появляется.

Разумеется, в характере каратыгинского Обломова нет ничего от гончаровского героя: своей назойливостью и риторикой он напоминает, скорее, Тарантьева, который «питал какое-то инстинктивное отвращение к иностранцам» и считал Штольца «продувной шельмой» (IV, 50). Заметим также, что первое появление Тарантьева у Обломова заканчивается тем, что он просит одолжить фрак на свадьбу знакомого, а слуга Обломова Захар не дает, так мотивируя свой отказ: «Пусть они принесут назад жилет да нашу рубашку: пятый месяц гостит там. Взяли вот этак же на именины, да и поминай как звали <...>. Не дам фрака!» (IV, 53).

В литературе уже отмечались переключки гончаровских романов с драматургией того времени, в частности, с водевилями Каратыгина¹. Разумеется, нет оснований говорить о каких-либо прямых заимствованиях Гончарова из «Первого июля в Петергофе». Но сама забавная фамилия русского портного и его отношения с коллегой-немцем могли запомниться будущему автору «Обломова» после посещения Александринского театра, и впоследствии он бессознательно — или осознанно? — использовал их как материал для романа. Характер «праздного ленивца» Гончаров уже набросал в одной ранней повести, не предназначавшейся для печати, — это Никон Устинович Тяжеленко из «Лихой болести» (1838). Но в будущем романе этот герой приобрел иной темперамент, иные черты личности и биографию, а также иную фамилию, которая впоследствии станет нарицательной.

¹ См.: *Калинина Н.В.* И.А. Гончаров и театр: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2008. С. 14–15. К приведенному в этой работе списку переключек и реминисценций можно добавить еще одну: фамилию главного героя романа «Обрыв» (Райский) имеет один из второстепенных персонажей «Комедии из современной жизни» Н.И. Кроля (СПб., 1849).

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)

ОБЛОМОВ: КОНСТАНТЫ и переменные

*Сборник
научных статей*

Нестор-История
Санкт-Петербург
2011